

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Прочитав данную статью, вы узнаете:

- по каким направлениям развивалось отечественное и зарубежное востоковедение в XX в., какие этапы оно прошло в своем развитии;
- чем современные отечественные подходы к изучению стран Востока отличаются от классических западных подходов, что общего между ними;
- какие методы используют востоковеды-историки и востоковеды-политологи для исследования современных политических процессов на Востоке;
- каковы сравнительные достоинства и недостатки аналитического и спатального (пространственного) подходов к выделению регионов Востока;
- в чем состоит принципиальное различие между обществами западного и восточного типа.

1. Становление востоковедения как научной дисциплины в России и за рубежом: эволюция методологических подходов

Интерес к Востоку в отечественной науке глубок и постоянен. В нашей стране особое внимание, традиционно уделяемое афро-азиатским странам, объясняется особым цивилизационным положением России как политического образования, возникшего на стыке культур Запада и Востока. Изучение Востока сформировалось в Российской империи в качестве особой научной дисциплины, точнее, предметно-дисциплинарного, по преимуществу историко-филологического комплекса, под западным идейным и философско-политическим воздействием (В.М. Алексеев, В.В. Бартольд и др.).

В советское время отечественное востоковедение трансформировалось из преимущественно историко-филологического в историко-экономический и со-

циально-политический комплекс, надолго обеспечив своеобразие литературы востоковедного профиля. На постсоветском этапе произошло возрождение интереса как к культурно-цивилизационному, так и к геоэкономическому и геополитическому спектру вопросов. В самое последнее время явно наметилась тенденция к комплексному анализу феномена Востока, соответствующая повышению его роли в мировой политике. Особую роль в отечественной мысли последнего десятилетия стали играть дискуссионные теории так называемого нового евразийства, акцентирующие внимание на «особости» России как государства, осуществляющего цивилизационный синтез на глубинном уровне.

В корневой основе «западных» общественно-философских знаний еще на самом раннем этапе были заложены базовые представления о цивилизациях Востока, прежде всего китайской, индийской, ближневосточной, о дихотомии Восток — Запад. В современной западной литературе значительное интеллектуальное влияние имеют исследователи, которые обсуждают вопросы «особости» Востока и его восприятия на Западе (Э. Саид, А. Айзенштадт, Д. Барнетт, Дж. Нидэм, Л. Пай, Дж. Фэрбэнк). Особое значение в современной мировой дискуссии по проблемам дихотомии Восток — Запад занимают концепции «третьей демократической волны» и «конфликта цивилизаций» С. Хантингтона, который развивает взгляд на современную мировую политику с позиции «столкновения цивилизаций», выделяя в них в качестве набирающих силу «восточные» территориально-цивилизационные комплексы. В самой недавней западной литературе о международных отношениях (Б. Бузан, У. Вэвер, О. Йеда) появляются тенден-

ции к теоретизированию на региональном уровне (концепции региональных комплексов и мезорегионов), что является важным вкладом в дальнейшую концептуализацию этих идей.

История отечественного востоковедения ясно показывает, что в востоковедных трудах раннего периода становления отечественного востоковедения анализ сводился главным образом и прежде всего к описанию официального взаимодействия между правительствами государств, и в страноведческих/востоковедческих исследованиях применялся едва ли не единственный метод — традиционного исторического описания. Метод традиционного исторического описания представляет собой метод анализа, основанный на понимании уникальности всех событий в развитии человечества, в силу чего большинство существующих исторических работ в классическом востоковедении сводилось к описательным дипломатическим историям (рассказам) ретроспективного характера, которые отличались друг от друга только «страной описания» и исторической школой, в рамках которой это описание и было выполнено, т.е. при создании трудов применялись в основном интерпретационные методы и подходы. Вопрос о несообразности исторических объяснений в различных культурных комплексах не решался (хотя и ставился) в этой традиции — главным образом по той причине, что принятая методология сводилась к обобщениям на основе конкретных (уникальных) событий. Авторы, которые проводили исследования в рамках этой традиции, пытались разработать особый вид обобщений, нацеленный на то, чтобы предсказать дальнейший ход событий на основе ограниченного количества современных (либо исторических) событий. Таким образом, тенденция ретроспективного анализа проецировалась на будущее в целях прогностических обобщений на основе исторической интуиции.

Вообще говоря, историко-интерпретационный подход изначально методологически тяготеет к изучению эмпирических свидетельств без формулирования общей теории, но с явно или подспудно выраженными обобщениями. Тем не менее любая общая или структуралистская школа видит свою цель не просто в историческом объяснении, а в том, чтобы наряду с объяснением истории установить закономерности, с помощью которых можно не только рационализировать происшедшее в прошлом, но и интерпретировать то, что происходит в настоящем и будет происходить в будущем. Именно в этом заключается практическая ценность такого рода подходов для востоковедения и востоковедного регионоведения.

Как представляется, существующие в востоковедческой литературе различные объяснения и интерпретации фактов подспудно предполагают необходимость новых комплексных регионоведческих подходов, что сегодня требует нового и более рафинированного обобщения фактов и данных, с одной стороны, и более высокого уровня концептуального анализа — с другой. Почти полное устранение отечественного востоковедения советского периода от проблематики мировых дебатов о методологических основах гуманитарных и общественных наук и ведение полемики в основном в рамках традиционного и обновленного марксизма (комплекс дискуссий об «азиатском способе производства») привело к недостаточному учету концепций, предлагаемых политическими науками и теориями международных отношений.

В этих теориях каждый участник — будь то нация и государство, правительство, международная или национальная организация, группы давления, или индивидуум (дипломат, политик) — представляет собой «единицу» (объект или субъект) взаимодействия и, одновременно, составную часть системы как целого. Соответственно, система как таковая

рассматривается как нечто качественно отличающееся от своих составляющих. При таком подходе не акцентируется внимание на ценностных и психологических факторах, хотя ценностные и психологические факторы, составляющие наряду с другими стержень национальной специфики, могут также анализироваться.

Приступая к изучению востоковедного объекта, исследователь должен прежде всего провести разграничение между конкретными аспектами, присущими данной сфере научного поиска, и аспектами, общими для всех исследований. Кроме того, необходимо определить, в какой степени данный объект исследований позволяет оперировать четкими эмпирическими данными, анализ которых ведется посредством методов, применяемых именно в данной области науки. По этому вопросу сегодня идут острые дебаты в мировом востоковедении. В общественных науках есть множество сфер исследований, которые, как принято считать, носят междисциплинарный (и только в этом смысле — комплексный) характер. Как становится ясно при изучении востоковедческих проблем, многие из используемых в данной субдисциплине методов не имеют непосредственного отношения собственно к самой дисциплине. Следовательно, придется признать заимствование теорий и методологических подходов, изначально разработанных для решения общих либо специфических проблем в естественных науках, социологии, антропологии, экономике, политологии, истории, философии и даже литературоведении и текстологии. Понимание «сухого остатка» этих международных дебатов ставит сегодня на повестку дня вопрос о модернизированном понимании комплексного характера современного востоковедения как части мирового регионоведения, о методологическом синтезе нового типа, а соответственно, о качественном повышении методологического уровня отечественного востоковедения и именно таким путем

выведения его на передовые международные рубежи.

Практическое применение этого заключения приводит к целому ряду немаловажных выводов, имеющих прикладное значение и для самого российского общества. Использование результатов традиционных методов и постановок проблем в востоковедении как научной отрасли регионоведения применительно к реалиям сегодняшнего дня очень остро поставило вопрос о соотношении западной (европейской или американской) и восточноазиатской моделей развития. В российском обществе в последние десять — пятнадцать лет идет активная дискуссия на эту тему. Одно из мнений, которое родилось и укрепилось в ходе этой дискуссии, заключается в противопоставлении этих моделей. Однако успех реформирования традиционных обществ в новых индустриальных странах, а потом его повторение и развитие в ходе реформирования китайского общества в практической области ставит методологический вопрос о соотношении анализа и синтеза при разработке практических рекомендаций по реформированию традиционных или переходных обществ.

Действительно, в последние докризисные годы темпы роста мировой экономики составляли по 2–3% в год, России — 6–7% в год, а Китая — 10–11% в год. Если текущие экономические тенденции сохранятся и после выхода мира из кризиса, то через 10–15 лет, к примеру, одна какая-нибудь крупная провинция Китая будет производить товаров и услуг больше, чем вся Российская Федерация. Традиционные подходы не давали ответа на вопрос, как применить «восточноазиатскую модель» к российскому обществу, по ряду структурных параметров кардинально отличному от новых индустриальных стран и Китая, а по другому ряду параметров схожему с ними. Применение западной модели в чистом виде дало лишь частичный и неоднозначный эффект. Сегодня становится ясно, что нужно актив-

нее использовать опыт стран Востока, а соответственно, необходимо более глубокое и нестереотипизированное их изучение.

Применение комплексных регионаловедческих методологических подходов, в частности, позволяет поставить вопрос о разделении модели развития на две составляющие — политическую и экономическую. В создании политической структуры общества в России пригодна и жизнеспособна западная модель.

В экономической области сегодня есть выбор между латиноамериканской, африканской и восточноазиатской моделями развития, различающимися, главным образом, ролью государства в экономической жизни. Значительную часть опыта, накопленного при реформировании традиционных обществ в КНР, Южной Корее и на Тайване, сегодня можно вполне рекомендовать к дозированному использованию в определенных сегментах российской экономической жизни.

Проблема адекватной адаптации этого опыта самым непосредственным образом связана с методологическими дебатами в востоковедении, которое сегодня на наших глазах превращается в отрасль *мирового комплексного регионоведения* — комплексной, интегральной социально-экономической дисциплины, изучающей закономерности процесса формирования и функционирования социально-экономической системы регионов мира (т.е. Востока и стран Востока как части системы регионов мира) с учетом исторических, демографических, национальных, религиозных, экологических, политико-правовых, природно-ресурсных особенностей, места и роли в международном разделении труда и системе (подсистемах) международных отношений. Такое понимание контекста современного востоковедения позволит, с одной стороны, со-

хранить всю богатую базу отечественного традиционного востоковедения, с другой — понимать его в русле современного модернизированного, а не традиционного и консервативного, контекста мировой обществоведческой мысли.

2. Предмет и метод политической компаративистики в мировом комплексном регионоведении и сравнительной политологии

Определение: *Мировое комплексное регионоведение — комплексная, интегральная социально-экономическая дисциплина, изучающая закономерности процесса формирования и функционирования социально-экономической системы регионов мира с учетом их исторических, демографических, национальных, религиозных, экологических, политико-правовых, природно-ресурсных особенностей, места и роли в международном разделении труда и системе (подсистемах) международных отношений.*

В середине XX в. колониальное и зависимое политическое состояние стран Востока сменилось поисками своего собственного суверенного пути развития. После обретения независимости в странах Востока наметились существенные сдвиги — вместо аграрной по преимуществу структуры экономики утвердились различные формы сосуществования индустриальных и аграрных секторов, а традиционная система общественной жизни после «третьей волны» демократизации начала трансформацию в систему со сложным взаимоотношением традиционно зависимых групп, расширением политической элиты, продвинутым уровнем общих и специальных знаний и даже синтезом «восточных» и «западных» цивилизационных компонентов.

Для стран Востока политический вектор модернизации связан с поиском адекватных путей социально-экономического и политического развития, сохранением культурной самобытности и самоидентификацией. Конкретным историческим развитием, цивилизационными особен-

ностями, спецификой политической культуры определяется специфика их политических систем. Без изучения специфики политических процессов, политических систем и политической культуры невозможно составить адекватное представление о характере и сущности конкретной политической жизни стран Азии и Африки. Понимание специфики политической культуры восточных обществ создает благоприятные условия для практического установления взаимовыгодных отношений с государствами Востока.

Однако прежде чем перейти к определению принципов политической компаративистики в мировом комплексном регионоведении в сравнении со сравнительной политологией, необходимо определить методологические позиции и в этой связи определить свое отношение к следующим вопросам:

- каким образом пространственно (спатально) группировать материал в рамках мирового комплексного регионоведения и что дает пространственная группировка материала;

- каковы могут быть методологические подходы к общественным явлениям и как соотносится системный анализ политических процессов с компаративистским;

- как определять сравнительный метод вообще, а также в широком и узком смысле в частности;

- как в этой связи определить соотношение общих и специфических (региональных/страновых закономерностей) в рамках системно-сравнительного подхода;

- как конкретно и рационально сформулировать специфику обществ незападного и восточного типов (как части незападного типа);

- каким образом практически дать понимание механизмов функционирования политических систем восточных обществ и, соответственно, построить учебный процесс по этой проблематике как части мирового комплексного регионоведения.

3. Проблема пространственной (спатальной) подачи материала в рамках мирового комплексного регионоведения и политической компаративистики

Пространственное (спатальное) членение материала исходит из внутренней цивилизационно-географической и культурно-политической логики развития стран, т.е. из определения международно-политического региона как привязанной к территориально-экономическому и национально-культурному комплексу (основывающемуся на специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, политических, национально-культурных условий, служащих основанием для его выделения) региональной совокупности явлений, объединенных общей структурой и логикой, таким образом, что эта логика и историко-географические координаты ее существования являются взаимообусловленными. Такое определение региона как базового понятия мирового комплексного регионоведения позволяет расположить материал в определенной пространственной (спатальной) системе координат.

Если исходить главным образом из географических параметров, то можно выделять географические макрорегионы, мезорегионы (средние регионы), а также отдельные регионы и субрегионы, основываясь на их физико-географических характеристиках. Так, мы выделяем мировые континенты: Америку (Северную и Южную), Африку, Евразию, Австралию, Антарктиду — подразделяя их, в свою очередь, на субконтиненты (Европа, Азия) и более мелкие таксономические единицы (географические регионы и субрегионы): Северную, Центральную и Южную Америку, Северную, Центральную, Западную, Восточную и Южную Африку, Северную, Центральную, Западную, Восточную и Южную Европу, Северную, Центральную, Восточную, Юго-Восточную, Южную, Юго-Западную и Западную Азию.

Определение: *Международно-политический регион — привязанная к территориально-экономическому и национально-культурному комплексу (основывающемуся на специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, политических, национально-культурных условий, служащих основанием для его выделения) региональная совокупность явлений, объединенных общей структурой и логикой таким образом, что эта логика и историко-географические координаты ее существования являются взаимообусловленными.*

Исходя из историко-культурных параметров, можно выделять историко-культурные регионы: китайский, корейский, вьетнамский (Вьетнам, Лаос, Камбоджа), индийский (Индия, Непал, Бутан, Шри-Ланка), индоиранский (Пакистан, Афганистан, Иран, Таджикистан), тюркский, арабский, российский (Россия, Украина, Беларусь или, в другой интерпретации, страны СНГ), европейский (состоящий из тринадцати стран). Североамериканский, латиноамериканский, африканский регионы объединяются в соответствующие региональные общности по таким параметрам, как геополитическая традиция (принадлежность к единому государственному образованию), современная тенденция к интеграции (межгосударственному взаимодействию), этнолингвистическое, этнокультурное или этнопсихологическое единство. К культурно-религиозным макрорегионам обычно относят: конфуцианско-буддийский, индуистский, мусульманский, православный, западно-христианский и др.

Геополитические параметры позволяют разделить зарубежную Азию на Центральную, Южную, Юго-Восточную и Восточную (или Дальний Восток), Ближний Восток и Средний Восток. При этом нередко возникает проблема «пограничных» государств, не принадлежащих в полной мере ни одному региону или принадлежащих сразу нескольким геополитическим регионам. Так, некоторые исследователи полагают, что Афганистан принадлежит

не Средневосточному, а Южноазиатскому региону, поскольку эта страна входит в число государств Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК). В соответствии с той же логикой сочетания исторических и геоэкономических параметров десяти стран, образующих Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН): Бруней, Вьетнам, Индонезию, Камбоджу, Лаос, Малайзию, Мьянму, Сингапур, Таиланд и Филиппины, — относят к Юговосточноазиатскому региону, при этом исключая из него «пограничные» государства Папуа — Новую Гвинею и Тимор-Лешти. Другие считают, что логика политического развития позволяет отнести страны Центральной Азии скорее к Ближневосточному региону, чем к какому-либо другому, а при характеристике политического развития Монголии, относящейся географически к Центральной Азии, с точки зрения цивилизационной специфики целесообразнее рассматривать ее вместе с государствами Восточной Азии.

Соответственно всем этим рассуждениям, по-видимому, сегодня с той или иной степенью определенности можно говорить о панамериканской (межамериканской), европейской, африканской, азиатской региональных подсистемах международно-политических отношений и соответствующих этим подсистемам международно-политических макрорегионах, а также о некоторых более или менее четко определяемых субрегиональных подсистемах (международно-политических регионах) — западноевропейской и восточноевропейской как частях европейской подсистемы, североамериканской и южноамериканской (или латиноамериканской) как частях панамериканской (межамериканской) подсистемы,

ближне- и средневосточной, центрально-азиатской, южноазиатской, юговосточно-азиатской, восточноазиатской как частях азиатской (или, в ряде случаев, азиатско-тихоокеанской) подсистемы международных отношений и т.д.

Ясно, что отдельные страны могут входить в соответствии с различными параметрами не в один, а в два или даже три перекрещивающихся региональных кластера. Кроме того, часто выделяются и другие культурно-географические агломерации государств, которые могут строиться по принципу экономической кооперации и совместной системы безопасности, и/или «скрепляться» историческими конфликтами, спорными проблемами, традиционной враждой, т.е. возможно и правомерно деление мира на геоэкономические и геополитические регионы, к тому же и некоторые исторические регионы в последнее время приобретают довольно четко выраженные геоэкономические черты. Эти перекрещивающиеся принципы цивилизационно-пространственного членения, позволяющие вычленять «базовые» или «структурообразующие» регионы, и послужили основой выделения наиболее важных международно-политических регионов. В рамках границ этих регионов имеет смысл проводить параллели и строить различного рода сравнения и сопоставления. Такие сопоставления могут послужить основой и для более широких кросс-региональных сравнительных моделей универсального характера.

Кроме цивилизационно-пространственной (спатальной), существует и возможность содержательной (аналитической) группировки стран. Она так же, в принципе, конвенциональна и субъективна, как и использованная нами спатальная. Однако аналитическая модель при этом не позволяет акцентировать внимание на общности исторического/цивилизационного/политического развития стран региона, т.е. не позволяет в полной мере осмысливать цивилизационную общность и одновременно специ-

фику политических процессов конкретных стран в рамках региона. Кроме того, при всей своей аналитической красоте такая типология, на наш взгляд, плохо применима при практической подготовке регионального/странового специалиста, так как позволяет хорошо ориентироваться в общих закономерностях, к примеру, политических систем государств кочевого типа, но при этом в реальной жизни государства такого типа (скажем, Монголия и некоторые государства Аравийского полуострова) отстоят друг от друга настолько далеко географически, лингвистически и цивилизационно, что полученные «общие знания» не могут быть применены в реальной жизни, а значит, их практическая значимость может быть поставлена под сомнение. Спациальный принцип подачи содержательного материала позволяет проследить региональную динамику политического развития, судьбу местных и импортированных политических институтов, появление возможных «политических разломов» и политических конфликтов в регионах, имеющих общие цивилизационные (исторические) корни и сходные принципы формирования и эволюции политической культуры.

4. Специфика социально-политических процессов на Западе и Востоке в мировом комплексном регионоведении и сравнительной политологии

Из очерченной логики понимания системного сравнительного политического анализа и его «спатальной развертки» в рамках мирового комплексного регионоведения вырисовываются основные принципы сравнения политических систем Востока. Однако дальше начинается самое интересное и одновременно концептуально самое сложное, так как нужно отвечать на вопрос, что же является идеальной моделью, вокруг которой эти типологии построены, и каковы взаимоотношения между политической системой (политическими системами) и политической культурой (политическими культурами)

ми) регионов мира. Если мы считаем, что идеальной моделью является демократия западного типа (т.е. европейская и американская модель), то тогда мировой политический процесс будет описываться в рамках предложенного С. Хантингтоном в его книге «Третья волна. Демократизация в конце XX в.» и имплицитно подразумевать соответствие или несоответствие данной конкретной модели идеальной. В рамках такого подхода мировой политический процесс будет просто описываться как процесс политической модернизации западного типа и эволюции всех стран и регионов в направлении европейской либо американской модификаций западных либеральных демократий, подобно тому как К. Маркс из-за недостатка знаний по Востоку скорректировал свою знаменитую формационную теорию объяснениями *ad hoc* — концепцией «азиатских способов производства», которая потом около ста лет дебатировалась мировым и особенно отечественным востоковедением, пока диспутанты не убедились в методологической ограниченности такой постановки вопроса.

Цитата: *«Дилемма общего и частного в науке превратилась в источник нарастающей напряженности с тех пор, как преимущественно европоцентричная общественно-политическая мысль начала претендовать на то, чтобы считаться подлинно глобальной. Признаки идеологической зашоренности большинства современных общественных наук, унаследованной от присущего Западу провинциализма, проявляются в стандартной практике наклеивания универсальных, общечеловеческих ярлыков на исследования, основанные на европейских или американских данных, в то время как сравнительным исследованиям, сфокусированным на каких-либо иных частях света, как правило, придается меньшее значение» (Люсьен У. Пай. Политическая наука и регионоведение: соперники или партнеры?)*

Сегодня все больше и больше исследователей, как в западных странах, так и в России, высказывают сомнение в том, что теории современной западной поли-

тической модернизации и демократического транзита после событий «9/11» адекватно описывают мировой политический процесс с точки зрения региональных закономерностей и во всем многообразии. Речь идет не об отрицании этих теорий и концепций, а о необходимости расширения методологической базы и «номенклатуры» методологических подходов, в частности, с использованием методологии региональных подходов. Один из классиков западной политологии, Л. Пай, автор блестящих трудов по сравнительной политической синологии, не только признал наличие «незападного» (в его терминологии) политического процесса, но и сформулировал 17 закономерностей, которые определяют его специфику:

1. В незападных обществах политическая сфера нечетко отделена от общественных и личных взаимоотношений.
2. Политические партии обычно выступают представителями определенного мировоззрения, определенного образа жизни.
3. Большое число разных клик является характерной чертой незападного политического процесса.

4. Особенности политической лояльности предоставляют лидерам политических групп незападных обществ весьма высокую степень свободы в выборе как долгосрочной, так и краткосрочной стратегии.

5. Оппозиционные партии и претендующие на власть элиты часто становятся инициаторами революционных движений.

6. Для незападного политического процесса характерно отсутствие интеграции его участников; это является производной отсутствия единой системы коммуникации в обществе.

7. Незападный политический процесс отличается высокими темпами рекрутирования новых политиков.

8. Для западного политического процесса характерны серьезные различия в политических пристрастиях разных поколений.

9. В западных обществах отсутствует единое мнение по поводу легитимности целей и средств политического действия.

10. В западных обществах процесс принятия политических решений слабо зависит от интенсивности и масштаба политических дискуссий.

11. В западных обществах очень высока взаимозаменяемость политических ролей.

12. Для западного политического процесса характерно наличие сравнительно малого числа организованных групп интересов, обладающих определенной функциональной ролью.

13. Лидеры западных стран стремятся к достижению популярности во всем обществе, не разделяя его на группы.

14. Аморфный характер политического процесса западных стран способствует тому, что позиции их лидеров по вопросу международных отношений определены более четко, чем по вопросам внутренней политики.

15. В западных государствах эмоциональный и экспрессивный аспекты политики зачастую преобладают над процессом разрешения проблем и определения государственной политики.

16. Главенствующим типом лидерства в западных обществах является харизматический.

17. Западные политические системы функционируют в основном без участия политических брокеров¹.

Таким образом, модель политики в обществах западного типа в основном определяется формой общественных и личных взаимоотношений, а власть, авто-

ритет и влияние зависят, в значительной степени, от социального статуса. Поэтому политическая борьба сконцентрирована не на альтернативных политических курсах, а в основном на проблемах влияния. Процесс рекрутирования в политику в обществах такого типа фактически является процессом культурной социализации, при этом базовая структура западной политической жизни — общинная, а политическое поведение прямо или косвенно связано с общинной идентификацией. Поэтому политические группы в западных обществах ориентированы на какой-либо аспект общинной политики, а не на политическую сферу деятельности, и, чтобы устоять в политической борьбе, политические партии в этих странах должны выражать свое мировоззрение и отстаивать определенный образ жизни. В этом смысле они скорее напоминают общественные движения, чем собственно политические партии, а в политической жизни резко возрастает роль клика. В этой связи политическая лояльность становится обусловленной не политическими целями, а скорее чувством идентичности с какой-либо общественной группой, и связанные с политической лояльностью проблемы разрешаются на уровне внутригрупповых интересов. Поэтому борьба за власть идет не между партиями, представляющими различные политические интересы, и не между группами, соревнующимися для доказательства превосходства своих административных методов, а между различными образами жизни. Соответственно, в обществах такого типа нет единого политического процесса, а есть несколько практически независимых политических процессов, связанных с различными образами жизни населения. Именно поэтому и политически значимые посты в странах такого рода нередко не имеют четко определенных границ, государственная бюрократия может фактически превратиться в партию (точнее — партию власти), а армия — выступить в роли правительства.

¹ Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. № 2. 2003. С. 66–86.

Хотя в незападных странах обычно довольно много неофициальных политических организаций, они либо действуют как объединения, сформированные для защиты интересов своих членов, либо в действительности представляют интересы правительства и/или наиболее влиятельной политической партии или движения, т.е. мобилизуют население для поддержки господствующей группы, а не действуют как группы политического давления. Поэтому политик национального масштаба в этих странах должен прибегать к лозунгам общего характера, поскольку у него отсутствует возможность четко определить скрытые потребности населения, вместо того чтобы формулировать четкую позицию по определенным проблемам. Соответственно, облеченный властью не должен обнаруживать и решать проблемы, достаточно просто находясь в центре политического (т.е. общинного) процесса, что он и делает просто из-за того, что облечен властью «свыше». Поэтому в обществах незападного типа главенствующим типом лидера является харизматический, а политические системы функционируют без участия политических брокеров.

Описанная Л. Паем структура незападного политического процесса хорошо объясняет его специфику. Но, признав отличие незападных обществ от западных, на основе которого и выписана Л. Паем специфика незападного процесса, мы можем пойти дальше и определить специфику восточных обществ и специфику политического процесса в обществах восточного типа. Надо сказать, что специфика такого рода хорошо определяется при анализе диалектического типа (Запад/Восток).

Прежде всего, определим два подхода к определению специфики восточных обществ в рамках мирового комплексного регионоведения, которые позволят нам определить и специфику их политического процесса. Эти два подхода сегодня достаточно детально проработаны отечественным востоковедением. В соответствии с первым подходом доантичные запад-

ные и восточные политические структуры были идентичны. Начиная с античности произошло разделение политических структур на два типа: западные и восточные. В обществах западного типа:

- структурирующий характер имеют рыночно-частнособственнические отношения;
- доминирует товарное производство;
- отсутствует централизованная власть;
- соответственно, там существовало демократическое самоуправление общины, которое впоследствии переросло в структуру, которая в сегодняшних западных обществах получила название «гражданского общества».

В соответствии с этой концепцией, общество такого типа было подвержено достаточно быстрым структурным модификациям, что вызывало его быструю эволюцию в сторону обществ высококонкурентного типа с точки зрения функционирования политической и административной системы.

В обществах второго типа — восточных — не было господствующей роли частной собственности, а доминировала общественная и государственная собственность (т.е. власть была эквивалентна собственности и наоборот, в то время как в обществах западного типа со времен Венецианской республики произошло разделение собственности (денег) и власти, которая могла быть просто наемной, а ее главной функцией являлась функция управления). В восточных обществах не было норм права, которые защищали частнособственнические отношения (римское право), там превалировала государственно-общинная форма ведения хозяйства, и государство в силу этого доминировало над обществом, а не наоборот. При этом хотя общество и создавало альтернативные структуры противостояния государству/власти (семья, клан, община, каста, цех, секта, землячество и др.), но они своей определенной частью были вписаны в систему государства (кас-

товый состав государственных институтов в Индии; клан, землячество в Китае, руководитель которых был тесно связан с государственной системой, либо просто являлся ее низшей частью — особым чиновником). Общества этого типа в силу указанной специфики политической структуры всегда стремились к внутренней устойчивости, консервативной стабильности, в них закреплялось только то, что соответствовало нормам корпоративной/общинной этики, и они в силу этого постоянно воспроизводили политические структуры одного типа. В соответствии с объяснениями такого рода становилось понятно, почему восточные общества не становятся демократиями западного типа и что нужно сделать, чтобы они таковыми стали. В соответствии с этой логикой на Западе двигателем новаций, в том числе и политических, являлся индивид, который был гражданином-собственником, а на Востоке — община, которая принимала только то, что соответствовало нормам общинной/корпоративной этики или традиции (т.е. то, что соответствовало коллективному, а не индивидуальному/индивидуалистическому опыту).

Однако в последние десять лет в востоковедной политологии и мировом комплексном регионоведении появилось альтернативное объяснение специфики восточных обществ. В соответствии с этим пониманием особенности социального строя на Востоке определялись следующими параметрами:

- права индивида на Востоке существовали и охранялись только по отношению к другому индивиду, а права индивида по отношению к государству отсутствовали;
- собственность на землю на Востоке была разделена на две части: собственность на землю как на территорию с подвластным населением (т.е. собственность на налог), находившаяся у правящего слоя, который одновременно составлял административный аппарат государства, и собственность на землю как на объект

хозяйства, принадлежавшая землевладельцам и налогоплательщикам (т.е. крестьянам и помещикам одновременно).

Такая ситуация определяла наличие двух господствующих классов со всеми вытекающими из этого политическими последствиями. Исходя из этих условий, специфику обществ восточного типа можно определить следующим образом. В обществах такого типа из-за перечисленных выше структурных причин существовала стойкая многоукладность, сопровождавшая весь процесс исторического развития. В обществах такого типа всегда будут более длинные межформационные периоды (исторические эпохи, т.е. длительные полосы исторического развития, характеризующиеся более или менее устойчивым взаимодействием двух и более одновременно существующих общественно-экономических укладов). В силу своей этнической и культурной/цивилизационной гетерогенности эти общества нуждаются в институтах компенсации неоднородности населения и неравномерности развития этнической общины, а соответственно, там гипертрофированную роль по сравнению с обществами другого типа играют государство и религия, функцией которых является централизаторская, цементирующая и унифицирующая роль в обществе. Кроме того, в обществах такого типа в силу как внутренних, так и внешних причин, капитализм имел неоднородный и анклавный характер.

Если мы согласимся с таким определением политико-экономической специфики обществ восточного типа, то достаточно легко сможем выписать специфику политического мира в обществах западного и восточного типов.

Общества западного типа характеризуются следующими чертами:

1. В обществах западного типа основополагающим является принцип «технологического/техницистского» отношения к миру — к природе как к естественной среде и к обществу как к социальной среде, выраженной известным афоризмом

«Природа не храм, а мастерская, и человек в ней хозяин». Соответственно, в обществах западного типа превалирует свободная, спонтанная, но рационалистическая воля индивидуума, которая не ограничена ни космическим, ни нравственным законом (мы свободны вплоть до свободы убивать друг друга — философская основа всех европейских войн). Статус индивидуума в таком обществе не гарантирован «порядком Вселенной», индивидуум в нем нонконформист. Такое общество основано на воли индивидуума, в нем нет места фатализму, как в обществах восточного типа, где нет случайных, спонтанных вариаций и все предопределено «ходом вещей». Западное общество является социоцентричной самодетерминирующейся системой, оно не космоцентрично, как восточное. Природа и общество (человек) в нем конгломеративны, т.е. человек и природа не связаны в единое гармоничное, неразрывное целое, как в обществах восточного типа. На Западе человек всегда «преобразует» природу. Соответственно, в обществах такого типа существует примат правового государства, в котором важна приемлемость социального поведения и универсальные юридические (конституционно-правовые) нормы.

2. Общества западного типа основаны на принципе неопределенности, в них политика — игра, основанная на равенстве шансов и неопределенности конечного результата. То есть в западном обществе история открыта и негарантирована, она непознаваема, так как человек не знает ее конечных перспектив. В таком обществе нет объективной политической истины, истина в нем конвенциональна (принята по соглашению), соответственно в обществе должен быть определенный консенсус и признание точки зрения меньшинства.

3. Общества западного типа основаны на атомарно-номиналистическом принципе, в соответствии с которым действует принцип гражданского договора (никто не может меня принудить к тем или иным

общественным связям, которые действительны лишь в той мере, в какой индивидуум их добровольно принял как субъект равноправных отношений), из которого вытекают, соответственно, взаимобязательные отношения граждан с государством, а не односторонние обязательства подданных в отношении государства.

4. Общества западного типа основаны на принципе разделения властей, при этом власть должна быть выборна, осуществляться большинством, но регулироваться обязательными конституционными правовыми нормами, при этом власть не может распространяться на определенные сферы частной жизни, а у меньшинства должны быть правовые гарантии, обеспечивающие его интересы. Соответственно власть должна быть легитимна (законодательная власть должна избираться народом), эффективна (исполнительная власть должна быть автономна), а судебная власть является независимой от первых двух (должно обеспечиваться подчинение как граждан, так и государства закону).

5. Общества западного типа основаны на системно-функциональном принципе, в соответствии с которым не так важно содержание элемента системы, как та функция, которую этот элемент выполняет.

6. В обществах западного типа существует принцип отделения ценностей от интересов, в соответствии с которым в области политики не решаются смысловые вопросы бытия, так как итоги политического соревнования не окончательны (через определенное, весьма короткое время можно будет снова законно прийти к власти), и во время этого соревнования (выборов) согласовываются практические (земные) интересы, по которым возможен, и даже необходим, компромисс различных политических сил.

7. Западные общества пропагандируют систему открытого типа («открытое общество»), где в идеале нет сословных перегородок, существует высокая социальная мобильность, отсутствуют «вели-

кие» коллективные ценности (т.е. главенствует принцип атомарности интеллектуальной деятельности), где национального суверенитета нет (или он постепенно сводится к минимуму) и существует принцип равноценности мировых культур, терпимости, свободной соревновательности.

В обществах восточного типа основополагающими являются следующие принципы:

1. Принцип воздержания от волюнтаристской активности: знаменитая концепция древнекитайской политической философии *у-вэй* («недеяния») и ее сегодняшнее дэнсяопиновское воплощение «переходить реку, нащупывая камни». В восточном мире нет «деятеля» («преобразователя») в западном смысле этого слова, там человек следует ходу вещей, великому космическому закону (вспомним принципы организации войска, осуществляемые Наполеоном и Кутузовым, как они выписаны Л. Толстым в романе «Война и мир»), в соответствии с которым этика и ритуал слиты вместе, ритуал кодифицирует писаные и неписаные законы поведения, причем в области морали и этики творческие импровизации являются сомнительными. Таким образом, если на Востоке и появляется «деятель» и «великий преобразователь», то он осуществляет «великие деяния» в соответствии с сакрализованными космосом/миропорядком/мирозданием/принципами. В этой системе социальное поведение должно быть предсказуемым, каждый должен ждать своего часа, идеал — патерналистская модель, основанная на отцовской опеке и соответствующей ей сыновней почтительности. Соответственно этим принципам, политический процесс — не процесс производства власти, как на Западе, а вычленение и поддержка имманентного, естественного, устоявшегося, проверенного, поддержанного традицией или хотя бы не порывающего с ней.

2. Восточные общества основаны на технократическом принципе, в соответс-

твии с которым государство — постоянно мобилизованный носитель ценностных, нравственно-религиозных критериев, стремящихся контролировать все социальные практики. Такое понимание государства основано на восточной традиции, в соответствии с которой город есть воплощение государственной власти, а народ есть духовная общность, скрепленная традицией (т.е. общностью культурной памяти) и надеждой на грядущее воплощение правды-справедливости. Соответственно, на Западе город выступал как частногражданская альтернатива государственной власти и основа гражданского общества, а государство было бесстрастным наблюдателем процессов, происходящих в гражданском обществе, вмешивающееся в его жизнь только в случае прямых беспорядков. В восточных обществах политическая власть может ограничиваться и контролироваться духовной властью в «помыслах», т.е. высших ценностных ориентациях. Отсюда следует вера в сакральность всего земного пространства на Востоке и, соответственно, в необходимость осуществления принципа соборности (А. Хомяков), т.е. организации светского общества по принципу храмовой общины с иерархией священник/царь/пророк и обязательным посредником между человеком и Богом.

3. В обществах восточного типа действует принцип уравнительной справедливости, т.е. статус человека в обществе определяется, скорее, не происхождением, связями, деньгами, личными успехами, а служебным усердием. В соответствии с этим принципом административные территории внутри государства должны контролироваться верховной властью, должно в той или иной степени существовать центральное регулирование экономики и государственная монополия на недра.

4. Государства восточного типа основаны на принципе «священной справедливости», т.е. государственность в них — мессианская, свобода не индивидуальна, а коллективна, это свобода народа, которая конструируется коллективно, у на-

рода, соответственно — коллективная судьба, коллективное призвание (нельзя спастись одному, можно спастись только всем вместе), государственность является сакрализованной, и она воспроизводится в локальных сообществах как высшая ценность.

Таким образом, если мы признаем не только то, что политическая культура может определять политическую систему, но и согласимся с фактом плюрализма политических культур и, соответственно, взглядов на политическую систему и политику вообще, то, в частности, не отрицая того факта, что демократия не идеальный способ правления, но наилучшего человеческая политическая мысль пока не придумала, мы будем должны признать:

- наличие разных типов обществ (западного и западного, где среди западных существует особый подтип восточных);
- наличие разных видов, моделей демократий: не только европейского и американского типов, а, скажем, азиатского типа (японская, тайваньская и др.), причем демократии «другого» типа могут, по видимому, достаточно сильно отличаться от европейской и американской моделей, в связи с отличиями социально-политических структур в этих странах, но при этом все же являться демократиями;
- наличие культурной и социально-психологической специфики, т.е. особой, обусловленной страновой спецификой политической культуры, национальной психологии и национального характера, в формировании которых решающую роль мог сыграть религиозный или какой-либо иной фактор (к примеру, связанный с существованием правовой системы особого рода);
- наличие «других» политических систем и политических культур, которые «не лучше» и «не хуже» западных, а просто другие (подобно тому как мужской пол не лучше и не хуже женского, а просто — другой пол) и, возможно, более приспособлены для решения политических проблем специфических обществ иного, чем западные, типа;

- то, что в проблеме типологизации политических систем и их сравнении с «эталоном» есть достаточно большая доля идеологизированности и субъективности, связанная с тем, что методологически любая типологизация связана с редукцией и интерпретацией.

Признание этих положений позволит нам дополнить (или, точнее — наполнить) описание общих закономерностей функционирования политических систем региональной и страновой «плотью и кровью», т.е. конкретным анализом специфики политических систем и политических культур других стран и регионов мира, в частности стран Востока, во всей сложности их реального функционирования.

* * *

В первой статье вы познакомились с предметом и методом востоковедного регионоведения как особого, комплексного междисциплинарного направления, широко использующего сочетание исторических и политологических подходов для анализа современных общественно-политических реалий стран Востока. Усвоение материала по данной проблематике, в частности при самостоятельном конструировании учебного процесса, должно начинаться с выяснения общих принципов построения типологии и форм функционирования политических систем, далее можно переходить к ознакомлению с общими характеристиками политических систем государств в различных регионах мира (т.е. в разных «спатальных развертках»), типологизированными по разным критериям, а потом уже можно углубляться в анализ конкретной специфики функционирования восточных политических систем определенного типа в определенных регионах. Таким образом, анализ материала и обучение строятся на разработанном нами спатально-аналитическом (пространственно-аналитическом) принципе, а не на превалировавшем ранее в регионоведении (и особенно в востоковедении) противопоставлении спаталь-

ного принципа аналитическому, либо на преобладающем в сравнительной политологии противопоставлении аналитического принципа спатальному.

Этот подход, на наш взгляд, позволит вам получить углубленное представление о специфике функционирования политического мира Востока в мировом комплексном регионоведении, не забывая при этом об общих закономерностях, а знание общих закономерностей не будет исключать не только конкретного знания того, как функционируют политические системы конкретных стран Востока, но и специфики их функционирования. При этом полученные знания не будут оторваны от жизни, а могут быть достаточно легко применены в практической деятельности.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какие этапы прошло в своем развитии отечественное востоковедение?
2. В чем состоит предмет мирового комплексного регионоведения?
3. Каковы особенности аналитического подхода к выделению регионов мира?
4. Каковы особенности спатального подхода к выделению регионов мира?
5. Можно ли сочетать достоинства аналитического и спатального подходов?
6. По каким критериям выделяют различные регионы Востока?
7. Какие проблемы возникают при сравнении различных регионов мира?
8. В чем состоит специфика политического процесса в западных обществах?
9. В чем состоит специфика политического процесса в восточных обществах?

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, исто-

рия и современность. М. : Изд-во МГУ, 1996. 304 с.

2. Панарин А.С. Политология: западная и восточная традиции. М. : Кн. дом «Университет», 2000. 319 с.

3. Саид Э.В. Ориентализм: западные концепции Востока. СПб. : Русский мир, 2006. 635 с.

4. Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / сост., ред., вступ. ст. Б.С. Ерасова. М. : Аспект Пресс, 1999. 556 с.

5. Хорос В.Г. Модернизация как общемировой процесс // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность : хрестоматия / под ред. А.Д. Воскресенского; Моск. обществ. науч. фонд. М. : МОНФ; ИЦНиУП, 2000. С. 320–335.

6. Chen Xiaomei. Occidentalism: A Theory of Counter-Discourse in Post-Mao China / Chen Xiaomei. Oxford: Oxford Univ. Press, 1995. 239 p. (Электронная версия книги на Google Books. URL: <http://books.google.com>, ограниченный).

7. Fanon F. Black Skin, White Masks / Frantz Fanon. N.Y.: Grove Press, 1991. 232 p. (Электронная версия книги на Google Books. URL: <http://books.google.com>, ограниченный).

8. Fanon F. Peau Noire, Masques Blancs / Frantz Fanon. Paris: Éditions du Seuil, 1975. 188 p.

9. Frank A.G. ReORIENT: Global Economy in the Asian Age / Andre Gunder Frank. Berkeley: California Univ. Press, 1998. 337 p.

10. Pye L.W. Asian Power and Politics : The Cultural Dimensions of Authority / Lucian W. Pye, Mary W. Pye. Cambridge, Mass. : Belknap Press, 1985. xiii, 414 p.

11. Pye L.W. The Confrontation between Discipline and Area Studies / Lucian W. Pye // Political Science and Area Studies: Rivals or Partners? / Ed. by Lucian W. Pye. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1975. Pp. 3–22.